DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: МУЛЬТИПЛИЦИРОВАННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОСТМОДЕРНА

А.И. Неклесса

НЕКЛЕССА Александр Иванович, руководитель Группы "Север-Юг" Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета "История мировой культуры" при Президиуме РАН, email: neklessa@intelros.ru

Неклесса А.И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна. – Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04

Статья написана на основе доклада "Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационного транзита", представленного на XIV Форуме НГПК "Управление, образование и консалтинг на рубеже третьего десятилетия XXI века" (Москва, Национальная гильдия профессиональных консультантов, Комитет по консалтингу Московской торгово-промышленной палаты, Государственный университет управления, Финансовый университет при Правительстве РФ, 02.12.2019).

Статья поступила в редакцию: 05.02.2021. Принята к публикации: 17.06.2021

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам переживаемого цивилизацией транзита: генезису, свойствам и перспективам развития динамичных венчурных акторов – антропосоциальных структур (АС-структуры). Цивилизационный транзит – процесс перехода от современного уклада к постсовременному строю распределенного множества различным образом мотивированных трансграничных структур и энергичных сообществ. Цивилизация как концепт – процессуальное понятие, аналог эволюции, а возникающие постсовременные политэкономические и социокультурные ансамбли – соавторы исторической конкуренции и грядущей мировой конвенции. Глобализация, расширив пространство операций и спектр коммуникаций, сопровождается деятельной индивидуацией значительного числа людей – антиподом обезличенной массовости (десубъективации) и имплозивной атомизации. Анализируется образование субъектов перемен – амбициозных трансграничных предприятий, ориентированных на новации и преадаптацию к будущему. Внимание при этом обращено на их умножение, типологическое разнообразие, характерные черты феномена: синтез культурного и кадрового капитала, высокую адаптивность, наличие других специфических свойств и конкурентных преимуществ, востребованных в условиях когнитивной и социальной трансформации. Глубинное образование – сплав горней мотивации (*mission*) с земным целеполаганием (*vision*), познания более сложных свойств реальности с инструментальным овладением новизной (инакостью), поисковой активности с личностным ростом, реализуемых с учетом актуальных процессов в человеческом космосе. Расщепление властных структур, кризис национальной государственности, обретение технической и антропологической сложности, создание инновационных облачных предприятий – все это разрушает прежний баланс сил, деформирует сложившийся миропорядок, открывая пространство для универсальной перестройки. Персонализированные молекулы – ферменты перемен, объединяясь в мини-, миди-, макси-сообщества (парасуверенные АС-структуры), образуют в творческой среде интернационального общежития вирулентные социогенетические цепочки прото- и субэкуменических организмов, генерируя собственный трансграничный универсум – инфраструктуру развития и взаимодействия поверх современных суверенитетов, отходящих в глубину истории.

В расширяющейся антропологической вселенной зарождаются и развиваются также конкурирующие между собой версии АС-галактик с новыми формами конфликтов и формулами союзов. Борьба за будущее – асимметричная коэволюция, соперничество и селекция, когда по своим правилам играют персонажи с не вполне совпадающими и не вполне противоположными интересами. В кризисных обстоятельствах соревнование обостряется: кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, кто-то отправляется на свалку истории. На повестке поверх ее текущего слоя – выбор эволюционной стратегии, поиск методов познания и технологий действия, эффективных в гибридной среде цивилизационного переворота.

Ключевые слова: эволюция, цивилизация, транзит, антропосоциальная структура, глубинное образование, предприятие, стратегия, управление, сложность, личность, нематериальные активы.

Время вывихнуло сустав.
Уильям Шекспир

ПРОЛЕГОМЕНЫ

Мир, который мы знаем, – ансамбль взаимодействий природы и социальной практики. Люди извлекают из драматичного универсума разные по силе и содержанию смыслы, формулируют концепции, реализуют конкурентные сюжеты, различающиеся глубиной замысла, широтой охвата, точностью исполнения, создавая композиции событий и предопределяя маршрут перемен, называемый историей.

Знание – инструмент, организующий представления о человеке и мире, позволяющий масштабно и эффективно действовать, внося в окружающую среду технические, социальные или антропологические инновации и коррективы. Полнота знания сопряжена с его осознанием – экзистенциальной эмпатией, пониманием смысла познанного и вероятных следствий поступков, это комплексный, изменчивый, возрастающий ресурс индивидуального сознания / социальной ментальности и нематериальный актив цивилизации. Особенно подвижно знание о свойствах человеческого естества и общежития, развивающееся в области социогуманитарных дисциплин (*social studies*). В сфере практики нет объективных законов, но есть концепты и категории, базирующиеся на когнитивной аксиоматике, которые в отличие от постулатов природы зависят в своих аппликациях от установок ума и суммарного опыта. Познанные таким образом закономерности имеют, однако, "срок годности". Знание же о природной среде (*natural sciences*) по своему характеру безлично – это выморочное имущество цивилизации, однако его извлечение, толкование, применение является искусством и требует мастерства.

Знать и понимать – достаточно разные категории. Эта же мысль, изложенная в стилистике афоризма "встретишь Будду – убей Будду", т.е. предельно лапидарно невзирая на опасность неправильного истолкования, звучит следующим образом: *нам важно не помнить и знать, а понимать и действовать* (созидая себя, меняя мир). Весьма искусительное требование к образовательной во всех смыслах практике, которая в настоящее время трансгрессирует сложившиеся форматы, поскольку содержание накопленных в прошлом квалификаций не всегда соответствует запросу на обращенные в будущее компетенции. Новизна влияет на саму структуру и номенклатуру знания, способы его трансляции, правила применения, реализуя транзит от знания к творчеству.

Перспектива устойчивого (высокоадаптивного) развития и обустройства связана со способностью человека усваивать и осваивать кризисные коллизии, преодолевать их, используя многообразие опыта как ресурс, а, усложняясь, удерживать обретенный комплексный гештальт – образ полифоничного бытия, избегая при этом как усечения дискурса, так и собственной стагнации, стандартизации, самоотчуждения. Таким образом, знание из утилитарного и схоластичного становится динамичным и экзистенциальным, а понимание – неотделимым от применения. Иначе говоря, в социальном знании произошел переворот аналогичный технологизации естественных наук. Конструктивистская ("сциентистская", "катафатическая") стилистика современности между тем все менее соответствует приоткрывающимся глубинам реальности. Обстоятельства лучше видятся *de profundis*: у индивида, пережившего спонтанный катарсис, соприкоснувшись с "бездной полной звезд", повседневность переосмысляется с позиции осознанного существования, и диалог с миром ведется поверх житейской и прочей конъюнктуры. В глубинном образовании мы, в сущности, получаем походную "поваренную книгу" искомых компетенций, отличных от заверенных былыми достижениями квалификаций.

Тяга к аутопоэзису колеблет, свергает многие авторитеты, смещает приоритеты, и хотя с усложнением обстоятельств растут неопределенности и риски, но ради присутствия в актуальности приходится признавать их оправданными. Живое, эмерджентное знание обогащает дисциплинарные умения, а если стремление к развитию преобладает над тягой к плодам, складывается практика перманентного поиска и самореализации. Глубинное образование – сумма критичных взаимоотношений, синтез аспектов этики/практики, обусловленных знанием и деятельностным началом (*активизм, критическая теория, постструктурализм, дискурс-анализ, вокеизм, пост- и деколониальность*), сплав обучения с исследовательской активностью, культурной экспрессией, преобразовательной деятельностью и личностной динамикой в соответствии с принципом, заложенным в основание мира, – эволюцией.

ИСТОРИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Генезис истории связан с обретением будущего[1]. Цивилизация – комплексное, в том числе процессуальное понятие (ср. *цивилизация/архаизация*), социальный и семантический аналог эволюции, субэкуменические же организмы, следуя императиву разнообразия, являются соавторами исторической конкуренции: "элементы, образующие полис, не могут быть одинаковы"[2] [Аристотель, 1983: 404]. Многомерность, обретаемая сегодня вне прокрустова ложа этатизма и индустриальной оптимизации, подрывает кастовость аффилиаций: "должно быть разномыслию <...> дабы выявились искуснейшие" (1 Кор. 11:19).

Культура и цивилизация – сообщающиеся сосуды: культура аранжирует ритмы бессознательного и определяет архитектуру сознания; цивилизация воплощает во внешней среде симфонию разума, чувств и традиций. Суверенное

[1] "Не является ли определением истории то, что она существует лишь постольку, поскольку есть нечто, приходящее после, и в этом смысле – всегда зависит от будущего?" [Merleau-Ponty 1955: 19].

[2] В переводе С.А. Жебелева слово *πόλις*, трактуемое как "государство", исправлено на аутентичное "полис", обозначающее все же не сугубый механизм управления, а сумму политических взаимодействий – упорядоченное пространство политик, подобно более общей ("физической") гармонизации мира – *κόσμος*. Это представляется более точным соответствием и смыслу ("политическое сообщество"), и буквальному прочтению оригинала [Аристотель 1983: 376-644].

становление предполагает личностный рост и соборное самоуправление (*πολιτεία*), реализуемые с учетом процессов, протекающих в человеческом космосе (в полисе). Погруженные в общественную среду венчурные предприятия с выраженной мотивацией (АС-структуры[3]) – трансграничная творческая субъектность в актуальном социополитическом и культурном интерьере, допускает инициативную встречу с иным, стимулируя трансформацию современной среды и управляющих ею структур системного уровня. Это значительно больше, нежели конъюнктурная адаптация или компенсация пустот в корпусе знания.

Категории цивилизации и географически локализованной ("городской") политики в своей лексической основе – близнецы. Между тем переживаемый ныне цивилизационный транзит – когнитивный и социальный переворот: переход от современного уклада: городской культуры, национальной государственности, индустриальной экономики, – к постсовременному мироустройству, связанному с универсальной экспансией разнообразных трансграничных парасуверенов. С усложнением социума появляются непредвиденные проблемы, развиваются конфликты, происходят столкновения, деформации привычных политических и прочих конструкций, их преображение или распад. Будущее антагонистично прошлому, прошлое противится будущему. Роковая же проблема развития – судьба девальвируемых социальных организмов и людских масс, их адаптация к обновляемой действительности либо фатальная сегрегация. Возникает борьба за будущее как практика асимметричной коэволюции, борьба, которая временами обостряется: кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, а кто-то отправляется на свалку – в геенну истории.

Сюжеты глобальной смуты диктуются из невнятных источников, калейдоскоп транзита, его насущные композиции и грядущие пертурбации инициированы и контаминированы свободой, в которую можно провалиться, предоставляя вместе с тем эволюции шанс разомкнуть фатальную петлю "вечного возвращения". Социальное время отлично от физического, которое течет непрерывно и равномерно – спим ли, воюем, стрелки размеренно отсчитывают шаги (хотя и тут не все просто). Время же антропологическое – социальное и личное, автономно, подвержено аберрациям, движется иначе, скачками, застревая порой в развилках маршрута. Будущее не просто обретается и осознается, это запутанная категория, его кротовые норы – локальные порталы, которые порой ближе, чем представляется, присутствуя в настоящем, как звезды в ночи, семена перемен или неактивные до поры вирусы. Прорастая сквозь почву либо внезапно пробужденные, они ускоряют эволюционную гонку, прошлое отслаивается, как короста. Вспоминается фильм "День сурка", где связь времен распадается, порождая гротеск – время споткнулось и расслоилось: физические часы перешли в режим того самого "вечного возвращения", социальное движение также приостановлено и перманентно реплицируется, однако персональное развитие, образуя фрактальные узоры, демонстрирует драматичные метаморфозы.

Система человеческого общежития, развиваясь, порождая все новые сюжеты, становится многофакторным, мультивекторным сложным организмом,

[3] Об АС-структурах – персонализированных венчурных организмах как перспективном, в становлении, трансграничном социальном феномене (см. подробнее отчеты научно-исследовательских проектов СИНЛА: Перспективы... 1990; Новые измерения... 1990). Социальный дискурс в контексте Большой истории соприкасается с языком природы, а история человечества рассматривается как эволюция, т.е. подразделяется на ретро-историю (сущее/действительное) и футур-историю (должное/вероятное). Вовлечение стран и народов в освоение мира и возникающая при этом новизна становятся ожидаемой инакостью – очередной фазой усложнения социальных взаимодействий и изменения координат сознания.

а возможности прямого управления им сокращаются, дают сбои, ведут к неожиданным следствиям, редуцируясь в формы влияния. Попытки же форсированным образом обратить эволюцию вспять, вернуть организацию в прежнее состояние чреваты уплощением (неоархаизацией) и уже не динамической, а стохастической хаотизацией. Особая тема – искусство взаимодействия с иным, его опознание, различение и удержание.

Как же формулируется рецептура действия в современных "решебниках" транзита? После Второй мировой войны социальное время ускорилось. Поисковая активность в социогуманитарной сфере мигрирует от университетов к исследовательским институтам и другим интеллектуальным корпорациям. Опыт масштабных, рассредоточенных по планете боевых и логистических операций был абсорбирован гражданской сферой (проектирование). Методологические комплексы создаются на базе системного подхода: исследование операций, системный анализ, системная (мировая, индустриальная) динамика, матричное управление и т.п. Диахронные же композиции (прогнозирование) строятся на основе трансдисциплинарного анализа с учетом глобального контекста и долгосрочных перспектив [Гвишиани 1997: 36-37]. Сегодня в умах еще доминирует тема глобализации как экспансии, речи ведутся о противоборстве геополитических персонажей – это внятный язык привычного режима знания, но он подобен запаздывающему свету звезд. Нарастающая сложность бытия в интегральном (глобальном) общежитии чревата факториалом взаимодействий – человеческая вселенная не манихейская шахматная доска, где состязаются черные и белые, здесь по своим правилам играет неопределенное число разноликих участников с не вполне совпадающими и не вполне противоположными интересами[4].

Генезис будущего (транзит) представляется процессом, производящим инакость в многообразии – мы вплываем в бурные и мутные воды, населенные протеообразными существами[5]. Поворотные события могут возникать неожиданно и, состязаясь с подавляющей их инерцией, стремительно нарастать. Прошлое между тем обладает цепкой гравитацией, блокирующей

[4] Существуют различные по эффективности подходы к осознанию реальности и анализу возникающих проблем (деятельностный, феноменологический и т.д.). Есть задачи, имеющие определенное решение, простое или сложное; существуют вопросы со множеством несовпадающих ответов, полных либо частичных, встречаются ситуации, выходящие за пределы сложившихся форм осмысления и неразрешимые в конвенциональной оптике или этике. Подобный ожог разума, обозначив его пределы, остается в памяти как артефакт или парадокс – то, что за гранью располагаемых субъектом средств анализа полагается случайным. Жизнь иррациональна в том смысле, что она глубже доступных обобщений, нелинейная архитектура бытия предлагает выбор: игнорирование алогичной проблемы либо ее признание и переосмысление. Эволюция порой требует радикальной смены интеллектуальных координат, предполагая модификацию персональной и социальной ментальности [Неклесса 2013: 8-16].

[5] Возможно ли в принципе картографирование русла и расходящихся/сходящихся протоков футуристории? Ситуация может быть сопоставлена с эпохой Великих географических открытий – освоением предсуществующей целостности земного ландшафта. Эволюционный атлас, однако, прочитывается по мере преодоления прошлого рывками и урывками, т.е. прорисовывается лишь отчасти (ср. обоснование "вечного возвращения" у Ницше как углубляющегося освоения ситуаций). Человечество, реализуя свой предполагаемый диахронный код – этапы становления социального организма (эпохи, эоны), является развивающимся антропологическим космосом, т.е. открытой динамичной системой, влияющей на сюжеты футур-истории, внося в них мутации и коррективы. Не исключено, что постижение языка эволюции, прояснение логики ее маршрутизатора (вкупе с овладением квантовой рецептурой и фрактальными исчислениями) позволит в некоторой степени декодировать не только общий курс перемен, но также ожидаемые ключевые события и развилки. И хотя эволюция – это скорее "смена коней на переправе", чем "апгрейд имеющегося", большая история, несмотря на сумму отклонений и блужданий, флуктуаций и рекуррентностей, по-видимому, сохраняет заложенное природой или Творцом стремление к идеалу. Приближение к постижению целостного замысла – "генома истории" – становится, таким образом, ключевой компетенцией исторической навигации.

свободу человека, внутреннюю и внешнюю – это своего рода наследственная оккупация сознания, его шоры. Будущее, однако же, утверждается вопреки прошлому как радикальная в той или иной степени новизна, разрушительная для сложившегося уклада и его протоколов. Культурный шок, умножение случайностей, ошибки в ориентации, сомнения в траектории нарратива привносят в генеральный сюжет искажения, девиации, создавая вместе с тем социальные трамплины и обнаруживая эволюционные тупики.

Прогрессирующее усложнение истории и обитающих в ней организмов – естественный результат развития. Эон вселенской полифонии[6], вступая в права *regius in practicum*, оказывает критическое воздействие на структуру элит и миропорядок. Преобразуя практику, новый строй обессмысливает многие конструкции, активы, ресурсы[7]. Развивается кризис институтов всемирной бюрократии, административных, правовых, финансовых, идеопартийных тотальностей, прочих унифицирующих механизмов, а подвижные культурные границы постепенно растворяют и замещают национальные. Параллельно нарастают процессы индивидуации, приватизации ветвящейся футур-истории, девальвации многих материальных и расщепления политических структур. Растет результативность высоких технологий, технических и гуманитарных, число стартапов и критических ситуаций, повышается автономность, "самостийность" элементов подвижной галактики (аналогично конгломерату былых доменов); происходит синтез технической и антропологической сложности, пришествие мотивированных, венчурных предприятий, роевых симбиотов и самоорганизующихся комплексов – трансграничных ансамблей с высокой способностью к изменениям. Поверх привычного универсума растекается густеющий слой слабо формализованных "облачных инфильтратов", девальвирующий привычный расклад сил и деформирующий сложившийся миропорядок[8]. В неравновесной среде плодородие интеллекта и щедрость креативности давят на традиционные институты, изобретения доминируют над оптимизацией, казуальность дискредитирует каузальность, творчество оказывается результативнее усердия, а устойчивость предприятий связана

[6] Специфика Постсовременности/Постмодерна как формы бытия сложного человека в сложном мире выражается в продуцируемой *множественности суверенитетов* (природный – национальный – гражданский – культурный – персональный), возникающих посредством завоевания, освоения или делегирования. Однако социокультурная реальность, проявляющаяся в ходе цивилизационного транзита – подвижного, слоистого, гибридного состояния мира, определяется и обсуждается при помощи категорий сложившейся культуры и эпистемы, т.е. преимущественно на языке предшествующей эпохи. Так, проблема с отысканием содержательного имени для прогнозируемого полифоничного – "эфирного", состояния социума, помимо основной причины: неясностей с общими параметрами эпохи, затруднениями с представлениями о ее контенте, коренится, также в семантике, тяготеющей к векторной и трехчленной структурности времени (прошлое – настоящее – будущее), рождая простые лексические производные от Современность/Модернити как центральной категории.

[7] "[Но и] *Bitcoin*... является просто менее глупой формой ликвидности, чем деньги". См.: Илон Маск: биткоин почти такая же гадость, как деньги. – *Фантолк*. 21.02.2021. URL: https://fintolk.pro/news/ilon-mask-bitkoin-pochti-takaja-zhe-gadost-kak-dengi/ (accessed 22.02.2021).

[8] Отметим, к примеру, не просто усилившееся влияние информационных и культурных технологий, новую роль региональных/глобальных операторов данными ресурсами, но их резко возросший, транснациональный статус и властный потенциал, проявившийся, в том числе, в модерировании глобального гипертекста, а также в ходе последних избирательных кампаний, особенно ярко – в противостоянии демкоалиции и президента США Дональда Трампа. Реализация будущего (преодоление прошлого) – результат социокультурного напряжения, создаваемого лидером эволюции: критическим классом, позиции которого определяют пропорции приемлемого и желаемого, т.е. постулирует неочевидные границы власти и дальние горизонты общества, формируя таким образом контекст повседневности.

с полнотой опознания и освоения динамичного контекста. Социальный энтузиазм сочетается при этом с предчувствием серьезных испытаний в вихрях культурного и этического водоворота, сопровождаемым нарастающей тоской по моральному императиву, который наряду со свободой от внешней среды может оказаться критерием эволюции.

Логика процесса подчас теряется в избыточной феноменологии, а "мнимости и дискурсы меняются с течением времени" [Вен 2013: 195]. Предметное разнообразие умножает, диверсифицирует применяемые для его осмысления и освоения инструменты и подходы (структурализм, постструктурализм, дискурс-анализ, синергетика и т.п.). Вновь обновляется методология проведения операций и прогнозирования ситуаций, возникают постсистемные, персонализированные методы и технологии, замещая на этот раз глобальность фрактальностью, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные конструкты – перспективной уникальностью. Анализ и обобщение уступают доминантные позиции управлению и созиданию. Разрабатываются концепты самоподдерживающегося развития, обретения и удержания неравновесной, но устойчивой динамики. Создаются прописи внешнего управления посредством аттракторов, поскольку, имея дело с полифоничными и неопределенными системами, проще управлять извне, косвенным образом, нежели подробно моделировать их подвижную жизнедеятельность. Реализуются антропологически ориентированные инструменты господства и управления событиями: рефлексивное, акупунктурное, рефлекторное, роевое, и это весьма эффективный *modus operandi* [Неклесса 2020b].

Пафос эксперимента, вкус к познанию и освоению будущего – нового сцепления человека с реальностью, преодолевает склонность к репликации опыта и летописанию. Живущие прошлым хуже адаптируются к переменам, действовать же все чаще приходится в среде, скроенной по треснувшим лекалам. Востребованными оказываются компетенции даже не *up-to-date* и не *here and now* – это теперь производственный минимализм. Получившие образование кадры с красными дипломами приходят в корпорацию и, проработав месяц или два, сталкиваются порой с вежливым либо не очень "Спасибо, до свидания". Удивленные, они говорят: "Мы же квалифицированные". Им отвечают: "Да, квалифицированные, но не компетентные". Не все понимают это различие.

Сбои современных практик и деградация институциональной оптики перенаправляют внимание к распределенному множеству персонализированных венчурных предприятий (АС-структур) – инициаторов и агентов перемен, глубоко образованных субъектов действия, обладающих способностью постигать, наследовать мир за линиями горизонта, прокладывая маршрут по ту сторону конца истории. От поведения амбициозных персонажей – констелляций тех самых "звезд и комет в ночи", их видимых свойств и незримого потенциала зависит успех исторической навигации[9]. При всем том сумма противоречий, комплексный конфликт между инициаторами транзита и стратами, сдерживающими обновление миропорядка, грозит обрушением несущих конструкций. Это критический момент пути.

[9] Сетевая среда подрывает иерархии как отношения прямого господства–подчинения. Монолог уступает место полисубъектному конкурентному диалогу, а унифицированный нарратив вытесняется соперничеством приватных онтологий. Расслоение системы, автономизация компонентов может привести к фрагментации и хаотизации общей организации, либо же утраченное равновесие будет замещено динамической устойчивостью сложно сбалансированного ансамбля.

Модель для сборки (увертюра)

В проектной среде саморазвитие важнее управления, управление важнее контроля. Аутопоэзис, фокусируя мотивации, порождает мемы, концепты, картографию устремлений, одушевляющие практику. Обретение предприятием (*enterprise*) "нулевого кода", оригинальной идентичности (*mission*) – момент пробуждения, превращения объекта в субъект. Это событие переводит разговор из регистра "что" в категорию "кто": полено становится куклой, а кукла – человеком (но возможен и обратный процесс[10]). После осознания идентичности и опознания генеральной цели (*vision*) необходимо связать горнюю миссию с земным горизонтом, попутно отвечая на вопрос, в чем именно особое конкурентное преимущество данного предприятия, не случайно же оно промыслено как амбициозная корпорация?

Бытие обретает смысл, а идея, отраженная в символике или имени, рождает потребность в средствах для своей реализации. Созидание, будучи конструктивным аспектом развития, нуждается также в динамичной организации, планировании действий, осознании того, какие задачи субъект ставит, что за ландшафты обозревает, как именно намеривается их достичь и заселить.

Жизнь стимулирует усилия по преодолению обстоятельств, испытание переменами критично для статуса социального организма и престижа личности, которая либо претендует на знание перспективы, либо в восприятии общества является таковой. Уместно вспомнить раздумья президента Кеннеди перед инициацией программы "Аполлон". Решение было непростым, в проекте присутствовала двусмысленность: программа полета на Луну не была нужна ни экономике, ни обороне Соединенных Штатов. Действительно, в этих аспектах она принесла не так уж много дивидендов; учитывая масштаб затрат, средства можно было использовать более продуктивно. Кроме того, речь шла о чрезвычайно рискованном предприятии – Луна была *terra incognita*. Вот президент и пребывал в сомнениях, породив сентенцию: "У меня есть несколько сот человек, которые знают, как осуществить предприятие. Но нет ни одного, который убедительно ответил бы на вопрос, следует ли вообще затевать это дело?".

Стратегии эволюции

Миссию, цель, проект связывает путеводная нить – стратегия продвижения. Предприятие, лишенное долгосрочного плана, рискует в момент кризиса оказаться в дурной бесконечности рефлекторных реакций и параллельной эскалации демонстрационных действий [Неклесса 2020а].

История в усложняющемся мире все чаще предстает в сослагательном наклонении, а вакантную роль фатума по мере сил замещают влиятельные и амбициозные субъекты перемен. Качество достигаемого при этом результата связано не только с ритмами эволюционного резонанса, но также с грамотной расстановкой приоритетов, мастерством маршрутизации, хорошо простроенной логистикой, умелым распоряжением материальными и нематериальными ресурсами. Стратегия априорно предполагает, что эффективное продвижение реализуется не по кратчайшей прямой, а тактические успехи не всегда ведут к победе. Задача стратегического планирования – определить оптимальный маршрут к главной цели, учитывая обстоятельства, затрудняющие продвиже-

[10] Инволюция, деградация, распад именно сложных систем – процесс с возможностью крайне негативных следствий (ср. "сон разума рождает чудовищ").

ние, т.е. вычертить дорожную карту. Термин этот утвердился в разных областях практики после Первой мировой войны, когда войскам, сражавшимся в пустыне, чтобы переместиться из точки А в точку Б, приходилось идти сложным, переменчивым путем, продвигаясь от оазиса к оазису, от источника к источнику, поскольку выбор прямого маршрута был бы гибельным.

Зарождающейся популяции АС-структур как новых субъектов исторического действия предстоит выдержать в ходе цивилизационного транзита эволюционное состязание с акторами Модернити. Между тем дорожные карты современных обществ разнятся целеполаганием – это может быть благополучие самого оператора, интересы сообщества как закрытой корпорации, трансформация окружающей среды в желательном направлении, синергийный императив и т.п. Те же особенности могут быть присущи и пестрому конгломерату акторов постсовременного калейдоскопа в соответствии с характером их связанности с земными планами и инстинктами.

По аналогии со стратегиями биологических популяций (меж-/внутривидовой конкуренции и коэволюции, представляющих в рамках Большой истории иной регистр той же проблемы), можно описать несколько типов социополитических стратегий: "викария из Брэя", "*The Red Queen*", "генетического резонанса", "черепахи" и стоящей особняком "культуры смерти".

Викарий из Брэя – фигура анекдотичная, он вроде бы жил в Англии во времена, когда сменяли друг друга протестантские и католические монархи, а религиозные деятели периодически оказывалась в сложном положении. Викарий же особо не рефлексировал, и, когда изменялась ситуация, менял конфессию, проходя персональный жизненный путь достаточно эффективно: преодолевая обстоятельства и получая бенефиции. Это была его эволюционная стратегия выживания, вредившая, правда, имиджу корпорации, представителем которой он являлся.

Образ *The Red Queen*[11] для атакующей стратегии взят из "Алисы в Зазеркалье" [Adami 1995]. Алиса сетует: "У нас, когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место", получая знаменитый ответ королевы: "...здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!" [Кэрролл 1978: 137-138]. Разница между стратегиями Викария и Королевы в том, что первая, с доминантой выживания, результативна в индивидуальном плане, вторая, ориентированная на динамическое превосходство, – в корпоративном.

Социогенетический резонанс – явление, когда социокультурная модель реализует себя как вирусная стратегия, реорганизуя ментальность и поведение прочих, внешних субъектов и, таким образом, культивирует, изменяет окружающую среду. Для описания данной стратегии можно использовать гипотезу о морфогенетическом резонансе Руперта Шелдрейка [Sheldrake 1988], сформулировавшего ее в ходе размышлений над двусмысленным "эффектом сотой обезьяны": если обезьянки в одном районе принимались обмывать бататы, то в других местах через какое-то время мог-де начаться аналогичный процесс [Blair 1975].

"Стратегия черепахи" связана с такой категорией, как синергия. Интерес к данной стратегии – тенденция последнего времени. Суть метода в ценност-

[11] На русский язык этот образ Л. Кэрролла традиционно переводится как "черная королева" *(прим. ред.)*.

ной установке: конъюнктурное соавторство с союзниками и оппонентами в развитии сюжета дополняется и отчасти замещается диалогом и резонансом (или, как сейчас сказали бы – эволюционной когерентностью[12]) с историей, точнее, с ее идеальным конструктом, и удержанием подобной синхронии [Jung, Pauli 1955]. Эффективность подхода лучше осознается сегодня по мере понимания комплексной природы действительности, стимулирующей поиск способов учета множества неочевидных факторов.

Следует, наверное, упомянуть и "пиковую даму в колоде" – своего рода опрокинутую стратегию эволюции: сумму операций, ориентированных на деструкцию с риском исхода к небытию. С леммингами такое вроде бы случается, но проблема глубже. Культура смерти в социополитическом измерении отражает внутренний конфликт утопии как монополизированной, форсированной, фрустрирующей иллюзии, порождающей в конечном счете отрицание мира в качестве гиперкомпенсации неизбежности фиаско. Инструментарий этой квазиапофатики – испытание экзистенциальных пределов на прочность, манипулирование неприемлемым ущербом, развитие технологий деструкции, иррациональное умножение соответствующих средств.

XX век – время войн и революций, системной трансформации миропорядка, начало чему было положено крушением континентальных империй после Первой мировой войны. Политики по-разному видели пути и формы обновления глобального ландшафта, и в годы Второй мировой войны произошло столкновение асимметричных стратегий мироустройства. Знание доминантных мотиваций основных персонажей позволяет лучше понять логику непростых или на первый взгляд не вполне логичных событий и действий того периода[13].

Представитель стратегии "викария из Брея" – Сталин: оппортунист, который на волне перерождения режима (*sui generis* карго-марксизма) менял платформы в стиле политического серфинга в зависимости от персональной ситуации, используя идеологию как инструмент прикрытия истинных намерений[14]. Он мог быть антитроцкистом и антибухаринцем, убедительным

[12] Ср. определение синергийной стратегии в категориях своего времени Барухом Спинозой как высшего проявления свободы человеческой воли: "прочное существование, которое наш разум получает благодаря непосредственному соединению с Богом, с тем, чтобы вызвать в себе идеи, а вне себя действия, согласующиеся с Его природой, причем действия не должны быть подчинены никаким внешним причинам, которые могли бы их изменить..." [Спиноза 1997: 94].

[13] Например, уничтожение Сталиным верхушки командного состава Красной армии в преддверии войны, эксцессы немецкой "восточной политики" или объявление Германией войны США, объем и номенклатура поставок СССР по ленд-лизу в 1944-1945 гг., мюнхенский сюжет и жесткость последнего ультиматума (ноты) Чемберлена Германии и т.д.

[14] Лев Троцкий размышлял о влиянии на общественный строй властной оппортунистической группы, когда писал о генезисе "кремлевской олигархии" как управляющей страной надгосударственной и надпартийной "паразитической касты". Сталинизм, по его мнению, являлся транзитным феноменом – "новым социальным явлением, находящимся в процессе развития (перерождения) и не принявшим устойчивых форм", которое все же не отменяло, а лишь искажало природу социального строя [Троцкий 1939: 3]. Вместе с тем он допускал возможность некой неопознанной исторической роли этого "нового социального явления" и в едва ли не последней статье, в частности, писал: "СССР минус социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим" [Троцкий 1940: 17]. Карл Маркс, который был категоричнее в вопросе становления классов, полагал, что сообщества "в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов <...> образуют класс" [Маркс 1957: 208]. Интересно было бы применить логику Маркса и размышления Троцкого к феноменологии нынешней как общемировой, так и российской транзитной ситуации – генезису "глубинных образований". В сущности, амбициозные корпорации, мотивированные сообще-

антифашистом и обличителем критики “гитлеризма”, планомерно усиливая свои позиции за счет конъюнктурной ревизии курса, приватизации и персонализации идей, периодического истребления оппонентов и конкурентов, управления страхом, ведущим к деформации и деградации популяции. Отложенные убытки корпорации, представителем которой он воспринимался, девальвировали и подрывали ее солидные нематериальные активы, что со временем привело к краху предприятия[15].

“Ферзь-Гитлер” был одержим идеей доминирования национально-расовой корпорации (персональная мотивация также играла роль). Режим, реализуя политику партийного управления, оптимизировал систему, повышая эффективность за счет постоянных мобилизационных усилий, индоктринации, расчеловечивания, унификации населения. Он ограничивал индивидуальное своеобразие, избавляясь тем или иным образом от представляющегося обременением людского разнообразия. От сталинской эта стратегия, в числе прочего, отличалась принципиально иной кадровой и социальной политикой в рамках корпорации. Это не *pro* или *contra* идейного содержания, а управленческий анализ курса, за подробностями я бы отослал к работе Карла Поланьи “Великая трансформация”, где разбирается генезис данной “пагубной интеллектуальности” [Поланьи 2002: 8-9][16].

Ф.Д. Рузвельт, проводник стратегии “социогенетического резонанса”, выступал как политический дизайнер и логистический оператор, корректирующий мироустройство, проецируя на планету определенную социальную матрицу, замыслив и осуществляя глобальное модернизационное терраформирование, взрыхляя почву для современного строя, подрывая корни авторитаризма, традиционализма и колониализма[17].

Стратегия “черепахи” обрела протагониста в У. Черчилле, ставшем символом для общества, которое при угрозе своему образу жизни оказалось спо-

---

ства и социокультурные связности различного генезиса и целеполагания, пренебрегающие кодексом Современности, являются сегментами постсовременной сборки – универсальной мозаикой разновекторных по устремлениям антропосоциальных образований. Что же касается стран с неразвитой социальной и политической структурностью, то корень проблемы видится тут не в бюрократическом или номенклатурном перерождении (разложении), а в становлении автономной от общества и закона “орденской государственности” в теле страны, наподобие власти Тевтонского ордена на землях пруссов. Ср. мысль Сталина об “ордене меченосцев внутри государства Советского, направляющего органы последнего” [Сталин 1947: 71]. Или – практику высокомотивированной и трансграничной ИГИЛ (*организации, запрещенной в РФ. – Ред.*) в Леванте или на других территориях.

[15] Подмена режимом личной власти коммунистической идеи с ее проектом обновления исторического горизонта трансформировала перспективу интернациональной мобилизации (ср. с нынешней исламской волной и претензиями ИГИЛ – *организация, запрещенная в РФ. – Ред.*) в эскиз континентального империума (что отразилось, в частности, в смене гимна страны). Дегуманизация же строя свела социальное строительство как “живое творчество масс” к прописи “техника решает все”. Попытка коррекции развития на рубеже 1960-х годов в неотроцкистском ключе (Н. Хрущев) оказалась кратковременной и нежизнеспособной.

[16] Усеченный характер германского мобилизационного строя разрушил забрезжившую было к концу 1920-х годов перспективу оригинального интеллектуально-художественно-технологического синтеза и еще более туманную идею германско-еврейского культурного и научного *tour de force* в контексте движения Хаскалы. Альтернативы, которые с позиции последующего знания о Холокосте, вкупе с уничтожением разнообразия немецких особых людей, подобных Алану Тьюрингу, Джону Нэшу или Стивену Хокингу, воспринимаются сегодня как абсурд.

[17] Проблема – возможность коллизии стратегического протокола со схоластичным прочтением конкретных ситуаций, чреватая культурной близорукостью (*e.g.* неспособностью отличить банан от гранаты в обезьяньей лапе).

собно совместить реализм оценки ситуации, практику косвенного управления с категоричностью установки на национальный и персональный суверенитет. Суть резонансной стратегии проявилась в различении исторического императива от выигрышной конъюнктуры, причем когерентность выбора прослеживается в действиях обоих кабинетов: Чемберлен, объявивший войну гитлеровской Германии, и Черчилль, победоносно завершивший ее, – протагонисты одной суммы принципов. История была на их стороне, и если гитлеровская стратегия создавала динамичную, но механистичную, унифицирующую корпорацию, то уделом "британской короны" стало жестоковыйное удержание про-личностного в своих основаниях строя (с издержками конкретных исторических обстоятельств)[18].

Эманации же "культуры смерти" – *антургении* [Неклесса 2013: 16] в том периоде можно уловить в индустриализации геноцида или в "обугленных корнях" режима – мыслях и действиях фюрера в последние дни Третьего рейха. А отчасти, тенью, в искрах жертвенного самоуничтожения и планах "темной героики" на закате милитаристской Японии – процессе, прерванном решением императора о капитуляции после атомной бомбардировки. Хотя более яркие примеры подобных настроений дает сегодня теория и практика "неошахидизма", но не только[19].

ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО

История – путь становления и развития практики, ее анамнез, диагноз и демонстрирующий диалектику прогноз. Реконструкция миропорядка и трансформация мировидения – кумулятивное следствие индивидуальных усилий и коллективных инициатив.

Амбициозное предприятие, пионер меняющихся форм практики – своего рода "киборг", аранжированная композиция личностей, нематериальных активов и аппаратных средств, а не просто оптимальная сумма рабочих функций. На пути становления комплексного организма есть "ресурсные оазисы", один из важнейших – кадровый капитал предприятия: мотивированный и умело организованный персонал как синтез человеческих свойств и профессиональных умений. В свое время в знаменитом отеле "Фермонт" (Сан-Франциско) прошли две нестандартные конференции. Регламент коммуникаций был жестким: пять минут на представление темы, две – на комментарий, хотя присутствовали весьма влиятельные фигуры. Проводились также парные дискуссии. Вот блиц, в котором участвуют Джон Гэйдж, руководитель *Sun Microsystems,* и Дэвид Паккард из *Hewlett-Packard*, модеририрует профессор Ростум Рой. Дэвид задает вопрос: "Джон, сколько сотрудников тебе на са-

[18] Среди особенностей британской культуры помимо гибкости косвенного управления ситуациями стоит отметить легитимность эксцентрики как признание права личности на персональный суверенитет – качество, в чрезвычайных обстоятельствах позволяющее нетривиальные действия при сохранении культурного протокола.

[19] См. концепты приближения конца истории посредством перехода "от политики сдерживания потенциального противника ядерным оружием к политике устрашения нанесения ему неприемлемого комплексного поражения всеми видами вооружения в рамках превентивных действий" (Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2020. № 16. С. 32). Равно как идеи "повышенной выживаемости" той или иной группы населения, народа или расы в качестве их "стратегического преимущества", отражают движение мысли от конструктивного целеполагания к представлениям о лидерстве в деструкции.

мом деле нужно?”. Джон с полминуты думает и говорит: “Шесть, максимум восемь”. Ростум Рой обостряет ситуацию: “Джон, а сколько человек сейчас работает в корпорации?”. Гэйдж отвечает: “Шестнадцать тысяч”, – и добавляет: “Но они – резерв для рационализации” [Мартин, Шуманн 2001].

Движитель эволюции – человек, обладающий талантом, характером, интеллектом, моральным стержнем, прозревающий, созидающий и обустраивающий будущее. Квалификационный диплом не содержит графы о наличии исключительных свойств[20]. Возникает вопрос: как выявить не всегда очевидную партикулярность? Уже в весьма древних текстах описывалось нечто вроде процедуры по тестированию кадров. Работникам, строящим пирамиду, задается вопрос: “Что делаешь?” – “Я передвигаю камни”. Спрашивают другого, ответ: “Я зарабатываю, кормлю и обеспечиваю семью”. Третий говорит: “Я строю пирамиду”. Схожая процедура представлена в фольклоре разных стран как вопросы женихам умной принцессы. Умелая расстановка кадров с учетом синектических и синектрических прописей – одна из ключевых задач наряду с поиском уникальных талантов и людей, которые знают, как правильно нарушать правила. В общем, “кадры решают все”, а оптимизация, унификация, единообразие становятся приметами прошлого.

Сегодня складывается пестрая генерация людей-предприятий (*manterprisers*) – не “индивидуальных предпринимателей”, но “центров циклона”, субъектов и агентов перемен, организующих вокруг себя продуктивную среду с большим объемом креативных операций (доминирование акций над реакциями) и с той или иной степенью ее институционализации. А также генерирующих зонтичные конгломераты с высокой эффективностью и доходностью[21].

Персонализированные венчурные предприятия традиционно были частью культуры шоу-бизнеса[22]. На другом конце спектра – Марк Цукерберг или Илон Маск – эталонные представители данного явления. Подобные предприятия подвергаются испытанию в момент ухода знаковой фигуры – разрушаются, как обычно случается в шоу бизнесе, либо, пережив транзит, продолжают существовать и набирать обороты (*Apple*)[23]. В трансграничной среде мотивированные ассоциации, включая антисистемные группы, обретают второе дыхание не только в экономической сфере, но также в политических, социокультурных, исследовательских, информационных средах. Это альтернативная магистраль практики с собственными технологиями власти,

[20] Характерен колоритный состав первоначального кастинга Блентчли-парк (GC&CS): профессор античной истории, чемпионы Англии и Шотландии по шахматам, криптоаналитик, баронесса, профессор современной истории, президент общества истории архитектуры садов и ландшафтов, глава германской секции разведки ВМС, лингвист и шифровальщик, инженер, математик, тополог, филателист, поэт, композитор [Тененбаум 2011].

[21] *Manterpriser* – прототип АС-структур, т.е. не обезличенных предприятий, а расширеннного инструментально обеспеченного пространства действия индивида как трансграничного социального и политического актора в глобальном универсуме.

[22] Например, гастроли поп-звезды Мадонны в России проходили при поддержке десятков, если не сотен сотрудников и т.п. (“Мадонна едет в Россию на 40 грузовиках и 10 автобусах”. – *НТВ*. 26.07.2012. URL: https://www.ntv.ru/novosti/315621 (accessed 23.05.2021).

[23] Что будет с ценами на акции Apple после смерти Стива Джобса. – *Delo.ua*. 06.10.2011. URL: https://delo.ua/econonomyandpoliticsinukraine/chto-budet-s-cenami-na-akcii-apple-posle-smerti-stiva-dzhobsa-165678/ (accessed 23.05.2021).

средствами экспансии и вирусной мифологией[24]. А в проблемных странах и регионах – своя версия постмодернизации: государственные/квазигосударственные структуры могут перерождаться и обращаться в корпоративный инструментарий и многоплановый актив, управляясь кооперативно либо будучи прямо приватизируемы инициативными персонажами[25].

Креативность ревальвирует многообразие человеческих качеств. Диверсифицируется номенклатура нематериальных ресурсов: внутренних, внешних, уникальных подобно роли присадок редкоземельных элементов в технике. Комплексные предприятия способны использовать сложные активы и резервы. Большинство же структур привычно ориентированы на финансовые и материальные ресурсы – признанное эпохой богатство и инструменты продвижения. В современной среде, однако, происходят перемены, случаются казусы, возникают парадоксы, а тренд при ускоряющемся развитии все явственнее господствует над фактом. Капитализация некоего автомобильного гиганта на рубеже веков была, скажем, 30 миллиардов при балансовой стоимости его же основных фондов – 300. Соотношение же капитализации и материального имущества интеллектуальных/творческих производств нередко демонстрирует прямо противоположную пропорцию.

Интенсивность взаимодействия культур является самостоятельной ценностью. Конкуренция государственного/индустриального и децентрализованного, антропосоциального уклада, обозначив конфликт, вместе с тем оттачивает адаптационные механизмы, выявляя недостатки и проявляя преимущества. Полагать наличное постоянным, противоположное враждебным – свойство уплощенного разума, сложный же кристалл обладает множеством граней[26]. В отсутствие прямой и явной угрозы оптимизация сомнительна, мобилизация вредна, а упорное следование прописям формальной логики может обернуться нищетой разума: плодоносящее древо – нечто большее, чем запас дров. Непривычное видение ситуаций, овладение другим языком, инакость *per se* – дополнительный вид ресурса и своеобразная эволюционная вакцинация. Даже у просчетов помимо очевидных негативных следствий есть позитивное свойство – они расширяют поле практики, опознавая изъяны и указывая на невидимые прежде развилки.

Признанные виды нематериальных активов – словно пять пальцев на руке: помимо человеческого капитала это интеллектуальный, символический,

[24] В транзитной среде дисбаланс власти влечет модификацию инструментария и технологий. Кампании ботов, fake news, информационные смерчи, наподобие "*QAnon*" и "Пиццагейт", влекут серьезные следствия. Эффективность слов, возрастая, уравнивает их с *действием*: слово становится поступком. Вербальные проступки (преступления) сталкиваются в свою очередь с инновационными барьерами противодействия: блокировкой аккаунтов, экспансией *cancel culture* и т.п. Сам процесс легитимации власти отчасти смещается в онлайн, в том числе в ходе становящихся перманентными предвыборных кампаний и в ситуациях выбора.

[25] Вспоминается афористичное высказывание прокурора Руденко об "управляемой государственности", произнесенное в ином историческом контексте: "преступники завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений" [Руденко 1999: 573]. Интересен также генезис, исторический опыт и прогноз блуждающей государственности ИГИЛ (*запрещена в РФ – Ред.*), трансформировавшей привычные политические конструкции в иначе организованную власть и трансграничную силу.

[26] Сравним, к примеру, чехарду подвижных коалиций внешних и внутренних участников десятилетней сирийской турбулентности, переходящих во враждебные отношения и возвращающихся к проведению совместных акций.

социальный и культурный[27]. На модифицированных руках меньше трудовых мозолей, они используют экзотичные инструменты и способны действовать удивительным образом, включая, к примеру, в производственную и политическую орбиту не только партнеров и союзников, но также оппонентов и конкурентов, расширяя спектр практики и стимулируя развитие. Услышать, что спойлеры, соперники, конфликтные ситуации являются ресурсом, вообще-то странно, однако ситуация подчас примерно та же, что в знаменитом диалоге на тему "я не люблю кошек". На расхождения во мнениях при умелом подходе можно опираться – это непростой актив и венчурный капитал конверсионного предприятия. Вот заключительный пассаж про неочевидные в черно-белой оптике ресурсы и методы управления, использующие "ожоги разума". В некой корпорации было заметно противоречие между президентом, сторонником "официального дресс-кода", причем не только в одежде, и директором по стратегии, который, к слову, ходил в "пятничной одежде" всю неделю. Но что важнее – они пребывали в перманентном, то тлеющем, то вспыхивающем конфликте. Как-то журналисты, беря интервью у президента, задали вопрос об этой всем известной коллизии: "Вы тут главный, кто же взял его на работу?". Президент отвечает: "Я". И слышит: "Но зачем? Вы же столь разные личности, постоянно конфликтуете, на каждом заседании разгорается спор". Ответ президента: "Именно поэтому". Весьма не российская, надо сказать, позиция, напоминающая, кроме прочего, увертюру книги Иова.

Постижение истории происходит одновременно с ее преодолением. *Sapiens Dominabitur Astris* – "разум повелевает звездам", изгоняя призраки фатума. Пальцы гостей из будущего наигрывают новые мелодии.

DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04

CIVILIZATION AS A PROCESS: MULTIPLIED SUBJECTS OF POSTMODERNITY

A.I. Neklessa[1]

[1] *Center of Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

NEKLESSA, Alexander Ivanovich, Chair of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, Member of the Bureau of the Academic Council "History of the World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the "North-South" Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, email: neklessa@intelros.ru

Neklessa A.I. Civilization as a Process: Multiplied Subjects of Postmodernity. – Polis. Political Studies. 2021. No. 5. P. 39-55. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04

The article is based on the report "Fight for Future or The Transit of Civilization: Methodological and Prognostic Aspects" at the XIV Forum "Governance, Education, Consulting on the Eve of the Third Decade of the 21st Century" (National Guild of Professional Consultants, Consulting Committee of the Moscow Chamber of Commerce and Industry, State University of Management, Financial University under the Russian Government, Moscow, 02.12.2019).

Received: 05.02.2021. Accepted: 17.06.2021

Abstract. The article is devoted several aspects emerging in the current transit of civilization – the genesis, the problems, and the prospects regarding the development of trans-border innovative enterprises (anthropo-

[27] В российских дискуссиях приоритет часто отдается интеллектуальному капиталу, в развитом мире – человеческому, кроме того в России по понятным причинам особую роль играет социальный ресурс. А вот культурный капитал воспринимается как гарнир к основному блюду, хотя без него ни человеческий, ни интеллектуальный толком не заработают: можно создать высокотехнологичный аппарат и закрепить в стальной груди последнюю гайку молотом.

social structures – ASS). Attention is drawn to their growth in number, multiplication, diversity, high adaptability, other specific qualities, and competitive advantages. Civilization is a dynamic concept, a social analogue of evolution, and these ambitious enterprises are subjects of historical competition. Globalization, which expands space for operations and range of communications, is accompanied by the individuation of a significant number of ambitious persons (manterprisers) vs. mass society and inclusive atomization. Crises of modern political structures and the spread of social, technical, and anthropological complexities, as well as the creation of innovative virtual "cloud structures" etc, disrupt the existing balance of power and distort the modern world order. Forecast technics, based on a transdisciplinary approach, global dimensions, and a long-term perspective, are elaborated to predict the future, yet they are not very effective. Methodology for complex systems/operations analysis replaces long-term calculations with nonlinear dynamics, global generalizations with fractality evaluations, and disciplinary approach with attention to breakthrough situations. Deep education is a fusion of core motivation (mission) with the purposes of action (vision), knowledge with exploration, and personal growth. Socially motivated enterprises form ASS-ensembles, which tend to generate a universal Postmodern infrastructure upon the pillars of Modernity. The article also presents typology of social evolution strategies and provides historical examples of their implementation, which vary significantly, depending on the intentions of the main actor of a strategy. New forms of conflict and political alliances emerge. The fight for the future is an asymmetrical co-evolution of entities with interests that are not quite matching yet not quite opposites. In times of crises, competition escalates: someone wins, someone loses, someone goes to the dustbin of history. The search for evolutionary strategy, methods of cognition and technologies of action effective in the hybrid environment of civilizational transit, is on the agenda.

Keywords: evolution, civilization, transformation, anthropo-social structures, strategy, enterprise, complexity, management, personality, intangible assets.

References

Adami C. 1995. Self-Organized Criticality in Living Systems. – *Physics Letters*. Vol. 203. No. 1. P. 29-32. https://doi.org/10.1016/0375-9601(95)00372-A

Blair L. 1975. *Rhythms of Vision: The Changing Patterns of Belief*. London: Croom Helm Ltd.

Jung C.G., Pauli W. 1955. *The Interpretation of Nature and the Psyche: Synchronicity: an Acausal Connecting Principle*. Bollingen series (Vol. 51). New York: Pantheon Books.

Merleau-Ponty M. 1955. *Les Aventures de la dialectique*. Paris: Gallimard.

Sheldrake R. 1988. *The Presence of the Past: Morphic Resonance and the Habits of Nature*. New York: Times Books.

Aristotle. 1983. Politika [Politics]. – Aristotle. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Works in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Carroll L. 1978. Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass and what Alice Found There. (Russ. ed.: Carroll L. *Priklyucheniya Alisy v strane chudes. Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa, ili Alisa v zazerkal'e*. Moscow: Nauka).

Gvishiani D.M. 1997. Rimskij klub – istorija sozdanija i razvitija [The Club of Rome. – History of Creation and Development]. – *Rimskij klub. Istorija sozdanija, izbrannye doklady i vystuplenija, oficial'nye materialy*. [The Club of Rome. History of Creation, Selected Reports and Speeches, Official Materials]. Ed. by D.M. Gvishiani, A.I. Kolchin, E.V. Netesova, A.A. Sejtov. Moscow: URSS. P. 23-58. (In Russ.).

Martin H.-P., Schumann H. 2001. Die Globalisi Erungsfalle. der Angriff auf Demokratien und Wohlstand. (Russ. ed.: Martin H.-P., Schumann H. *Zapadnya globalizacii: ataka na procvetaniye I demokratiyu*. Moscow: Alpina).

Marx K. 1957. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. – Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)

Neklessa A.I. 2013. Jump of a Frog. The Crises of World-Vision. – *SINLA / INTELROS*. No. 1. P. 44. (In Russ.) URL: http://www.intelros.ru/pdf/Neklessa/Frog/LEAP%20FROG_NECLESSA%20_FINAL_new.pdf (accessed 12.07.2021).

Neklessa A.I. 2020a. Afrasian Zone of Instability and The Riddles of the Russian Strategy Planning. – *Vostok (Oriens)*. No. 2. P. 138–148. (In Russ.) https://www.doi.org/10.31857/S086919080009062-5

Neklessa A.I. 2020b. The Transit of Civilization: Methodological and Prognostic Aspects. – *Economics of Contemporary Russia*. No. 4. P. 132-146. https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146

Novye izmereniya AS (antropologicheskikh i sotsial'nykh) prostranstv: prognoz razvitiya [New Dimensions of AS (Anthropological and Social) Spaces: Development Forecast]. 1990. Moscow: Institute of Philosophy, Academy of Sciences of the Soviet Union.

Perspektivy AS (antropologicheskoi i sotsial'noi) transformatsii v sovremennom mire [Prospects for AS (Anthropological and Social) Transformation in the Modern World]. 1990. Moscow: Center for Human Sciences, Academy of Sciences of the Soviet Union.

Polanyi K. 2002. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. (Russ. ed.: Polanyi K. Velikaya transformaciya: politicheskie I ekonomicheskiye istoki nashego vremeni. St. Petersburg: Aletheia).

Rudenko R.A. 1999. Vstupitel'naja rech' Glavnogo obvinitelja Mezhdunarodnogo Voennogo Tribunala ot SSSR R.A. Rudenko. Stenogramma zasedanija 8 fevralja 1946 g. [Introductory Speech by Chif Military Attorney of the USSR R.A. Rudenko]. – *Njurnbergskij Process*. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)

Spinoza B. 1997. Short Treatise on God, Man and His Well-Being. (Russ. ed.: Spinoza B. *Kratkiy traktat o Boge, cheloveke i ego schast'e*. St. Petersburg: ZAO "Pergam").

Stalin I.V. 1947. O politicheskoj strategii i taktike russkih kommunistov [About Russian Communist's Political Strategy and Tactics]. – Stalin I.V. *Sochinenija*. Vol. 5. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury. (In Russ.)

Tenenbaum B. 2011. *Velikij Cherchill'* [The Great Cherchill]. Moscow: EKSMO-Jauza. (In Russ.)

Trotskiy L.D. 1939. USSR at War. – *Bulleten oppozicii (bolshevikov-lenincev)*. No. 79-80. New York. (In Russ.)

Trotskiy L.D. 1940. Nature of the USSR. – *Bulleten oppozicii (bolshevikov-lenincev)*. No. 82-83. New York. (In Russ.)

Veyne P. 2013. *Foucault, sa pensée, sa personne*. (Russ. ed.: Veyne P. *Fuko. Ego mysl' i lichnost'*. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Литература на русском языке

Аристотель. 1983. Политика. – *Аристотель. Собрание сочинений в 4 т*. Т. 4. М.: Мысль.

Вен П. 2013. *Фуко. Его мысль и личность*. СПб.: Владимир Даль.

Гвишиани Д.М. 1997. Римский клуб – история создания и развития. – *Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы*. Сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. М.: УРСС. С. 23-58.

Кэрролл Л. 1978. *Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье*. М.: Наука.

Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е изд*. Т. 8. М.: Госполитиздат.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. 2001. *Западня глобализации: атака на процветание и демократию*. М.: Альпина.

Неклесса А.И. 2013. Прыжок лягушки. Кризис мировидения. – *СИНЛА/ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия*. № 1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Neklessa/Frog/LEAP%20FROG_NECLESSA%20_FINAL_new.pdf (accessed 12.07.2021).

Неклесса А.И. 2020a. Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования. – *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. № 2. С. 138-148. https://www.doi.org/10.31857/S086919080009062-5

Неклесса А.И. 2020b. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – *Экономическая наука современной России*. № 4. С. 132–146. https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146

Новые измерения АС (антропологических и социальных) пространств: прогноз развития. 1990. М.: Институт философии АН СССР.

Перспективы АС (антропологической и социальной) трансформации в современном мире. 1990. М.: Центр наук о человеке АН СССР.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Руденко Р.А. 1999. Вступительная речь Главного обвинителя Международного Военного Трибунала от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма заседания 8 февраля 1946 г. Нюрнбергский процесс. – *Сб. материалов в 8 т*. Т. 1. М.: Юридическая литература.

Спиноза Б. 1997. *Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье*. СПб: ЗАО "Пергам".

Сталин И.В. 1947. О политической стратегии и тактике русских коммунистов. – Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.

Тененбаум Б. 2011. *Великий Черчилль*. М.: ЭКСМО-Яуза.

Троцкий Л.Д. 1939. Опухоль или новый орган? СССР в войне. – *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)*. № 79-80. Нью-Йорк.

Троцкий Л.Д. 1940. Природа СССР. – *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)*. № 82-83. – Нью-Йорк.